

МАТЕРИАЛЫ. ПУБЛИКАЦИИ. ЗАМЕТКИ

СВЕТЛАНА ВИТАЛЬЕВНА ВЛАСОВА
Вильнюсский педагогический университет

**К проблеме семантико-синтаксических значений
полных (членных) форм прилагательных в
Успенском сборнике XII–XIII вв.**

Анализируя значение кратких и полных форм прилагательных в языке четырех древнейших списков Евангелия (Мариинского, Зографского, Ассеманиева кодекса и Саввиной книги), Н.И. Толстой приходит к выводам о том, что эти формы

- “в атрибутивной функции выражают отношения определенности и неопределенности существительного-предмета, к которому относится прилагательное” [Толстой 1957, 94]; при этом

- “активным членом корреляции была полная, определенная форма прилагательного, указывающая на то, что предмет, к которому относится прилагательное, выделен из общего числа ему подобных предметов, обладающих тем же качеством, индивидуализирован и воспринимается как единственный в своем роде, отличный от множества равных ему по роду” [там же]; наоборот,

- “краткая форма, в отличие от полной, указывает на то, что существительное, определяемое прилагательным, ничем не отличается от множества равных ему по роду” [там же];

- “момент вышеупомянутости выступает как второстепенный, подчиненный, как частный случай более универсальной категории определенности прилагательных” [там же, 95].

При анализе конкретных фактов Н.И. Толстой впервые обратил внимание на значение семантических средств указания на неединичность, а значит, и на неопределенность предмета и показал, что это влечет за собой употребление кратких форм прилагательных при их назывании [там же, 55–58], а также перечислил основные

морфолого-синтаксические и семантические способы выражения у существительных значения определенности, на которую указывали и согласующиеся с ними адъективы [там же, 59–61]. Кроме того, он подчеркивал, что употребление прилагательных в функции определения только в полной форме зависит также от их семантики; такими он считал, например, прилагательные, “образованные от наречий места и времени, а также ряд прилагательных с локативным и темпоральным значением” [там же, 62].

Мы принимаем, что полная форма адъектива формально выражает контекстно обусловленное значение определенности существительного-предмета, с которым прилагательное находится в атрибутивной связи, т.е. оно присуще не прилагательному — признаку предмета, а существительному, к которому оно относится. Следовательно, говоря о значении определенности-неопределенности адъективов, мы имеем ввиду их способность выражать эти значения у тех существительных, с которыми они согласуются.

Сама же категория определенности/неопределенности в церковнославянском языке является, несомненно, лексико-семантической, поэтому анализ употребления соответствующих слов и согласованных с ними адъективных форм нами проводится, вслед за Н.И. Толстым, с учетом условий как контекста, в котором использовано определяемое слово, так и семантики прилагательных, а также некоторых словообразовательных моментов и синтаксической функции сочетания *прилагательное + существительное*. Важность учета дополнительных языковых средств, определяющих существительное, вызвана тем, что церковнославянский язык тяготеет к тому способу выражения определенности, который И.И. Ревзин называет “кооперативным” [1978, 229] (и который фактически описал Н.И. Толстой, анализируя факты церковнославянского языка, см. выше). Это означает, что использование различного рода средств, указывающих на определенность объекта, влечет в данном случае употребление членной формы адъектива — в отличие от артиклевых западноевропейских языков, где артикль опускается, если есть другое языковое средство, выражающее определенность — притяжательное, указательное, неопределенное местоимение и иные “локализаторы” (т.е. элементы, “ограничивающие ту область, на которую распространяется высказывание” [там же, 96]).

Анализ определенности/неопределенности как универсальной семиотической категории и способов ее реализации в различных языках с указанием наиболее важных работ по теме см. [Chvany 1996, 128–147].

По нашему мнению, особого внимания заслуживает сопоставление фактов церковнославянского и современного литовского языка, в котором правила употребления местоименных (членных) и простых (неместоименных, нечленных) форм во многом схожи с описанными к настоящему времени правилами их использования в церковнославянском [см.: Амбразас 1985, 121–127]. Это особая проблема, требующая специального рассмотрения.

В следующих далее заметках мы стремимся показать, что полные формы прилагательных в почти аналогичных значениях и функциях употребляются также в текстах Успенского сборника XII–XIII вв. [УС 1971; СК, 182–185]. Общая цель заметок состоит в том, чтобы, во-первых, дополнительно подтвердить, а во-вторых, несколько конкретизировать (а в некоторых случаях обобщить) отдельные положения Н.И. Толстого, акцентируя при этом способы указания именно на определенность существительных и уделяя основное внимание характеристике семантико-синтаксических типов общего значения определенности. Полагаем, что продолжение исследований, начатых Н.И. Толстым, является актуальным, поскольку сама идея о том, что полные и краткие формы церковнославянского языка выражали значение определенности/неопределенности, некоторыми учеными отрицается [см.: Георгиева 1952, 5; Стеценко 1977, 55].

Как известно, Успенский сборник является неоднородным по составу в том смысле, что в нем содержатся как переводные произведения, так и целый ряд оригинальных текстов, созданных южно- и восточнославянскими книжниками. Известно, что в его языке отражается целый ряд восточнославянских фонетических черт [Дмитренко 1987], характерных и для других церковнославянских памятников русского извода.

Наши наблюдения показывают, что между переводными и оригинальными текстами Успенского сборника не наблюдается существенных различий в употреблении полных и кратких форм адъективов. Это обстоятельство кажется очень важным для понимания грамматического статуса этих форм в структуре церковнославянского языка. Действительно, его можно использовать в качестве аргумента в пользу того, что у книжников, писавших на церковнославянском, были какие-то представления о функциях этих форм, характерных именно для данного языка, и правила их употребления не диктовались греческими оригиналами, как это подчеркивал Н.И. Толстой [1957, 47–48]. В дальнейшем мы надеемся конкретизировать и подтвердить это положение с помощью конкретных фактов.

К настоящему времени нами проанализированы все контексты, в которых полные и краткие формы встречаются в Успенском сборнике.

В данной работе мы ограничиваемся лишь самыми необходимыми примерами, основное внимание уделяя, как уже говорилось выше, характеристике тех основных значений контекстуальной определенности существительных, которые требовали употребления полных форм адъективов.

В исследуемых текстах в атрибутивной функции используются и полная, и краткая формы прилагательных. Как показывает анализ, не для всех разрядов прилагательных это характерно в равной мере. Так, притяжательные прилагательные имеют только краткую форму. Корреляция *полная форма/краткая форма* характерна лишь для качественных и относительных прилагательных, причем для различных групп относительных — в разной степени, в зависимости от семантики. Кроме того, прилагательное, выступая в роли атрибута существительного, тесно связано с другими определениями данного существительного, которые часто являются дополнительными языковыми средствами, определяющими употребление полной или краткой формы прилагательного.

Полные формы адъективов используются, по нашему мнению, с существительными, имеющими следующие основные лексические и контекстуальные значения определенности.

1. *Названия уникальных понятий.* Уникальный объект, как единственный в своем роде, естественно мыслится как определенный. Некоторые понятия, типа 'бог', 'ад', являются уникальными сами по себе, и поэтому адъективы-определения к ним всегда выступают в полной форме.

В ряде случаев на то, что данный предмет мыслится как уникальный, указывает слово **единъ** в значении 'единственный', ср.: **иде же единъ вѣчный** и **единъ безъ смерти** 271б28*, ср. использование слов **единъ** и **етерь** в другом значении для указания на неопределенность в евангельских текстах, изученных Н.И. Толстым [1957, 55]. Создается впечатление, однако, что чаще всего сама полная форма прилагательного служит указанием на то, что соответствующее слово мыслится в данном контексте как уникальное, на что указывают случаи типа **се истинный часъ** (о смерти) 274в31; **обратимъ са и мы ... и вѣчнаго огна оубѣжимъ** (об аде) 254г22–23; **стрѣгыи како да не вѣшьдъ змии ловавыи плѣнить кого шл оученикъ его**

* Все примеры цитируются по изданию [УС 1971], указывается лист, столбец и строка, в которой находится прилагательное.

(о дьяволе) 57630; ВЕДОУТЬ СЯ... КЪ НѢСНОМОУ ЦРЮ (о боге) 286а19; БѢГОСЛОВЕНЪ ГРАДЫ ВЪ ИМА ГНѢ · ПАСТОУХЪ ДОБРЫИ И БѢГЫИ (о Христе) 238а17–18; СОБОЮ НАСТАВЛЪ РОДЪ ЧЛѢЧЪ · НА НЕИСТЪТНЫИ ПУТЬ 109г16; ОТЪИДИ И ПОГРАЗНИ ВЪ ТЪМѢ КРОМѢШЬНИИ ОУГОТОВАНЪИ ТИ (об аде) 76бб; НЕ ВЪВОЖЮ РАТИ ВЪ ЧЪРТОГЪ МИРНЫИ (о рае) 193в31.

Наряду с большим количеством сочетаний *полная форма + название уникального объекта* в текстах встречаются также краткие формы прилагательного в данной позиции, напр.: ДЪХЪ ИСТИННЪ иже ШТ ОИДА исходитъ 102г3; ВСЕ НѢСНОЕ ЦРѢВО НЕВѢСТНИКА БЕСЪМЪРТНА 137630; ПОЗНАТИ ТА ЕДИНОГО БЛАГА и ЧЛѢКОЛЮБЦА БѢ 295612–13. Можно предположить, что краткая форма используется здесь с существительными, определенность которых настолько несомненна, что дополнительное выражение ее при помощи членного прилагательного просто излишне; такого рода сочетания относятся к числу устойчивых, что подтверждается примерами типа СЕГО РАДИ ОСТАВИХЪ ЦРѢВО МОЕ и ВСЪ МИРЪ КРЪСТИАНЪ СЯ · ЖИВОМОУ ЖЕ БОУ ЖИВОУ 74в21.

Всегда с полной формой прилагательного в текстах Успенского сборника употребляются имена собственные (кроме некоторых форм в звательном падеже), напр.: ШТЪГОША БОУЕСТИ РАДИ БЕЗМЛОСТИ-ВАГО СЕЛИНА 138в15–16; ДРАГАГО И МОУДРАГАГО ИОСИФА ВЪ ТЪМНЫИ ЕГУПТЬ ПОУСТИША 190в5–6; СЯ ОУБО БАГОВЪРОУНЫИ БОРИСЪ · БАГА КОРЕНЕ СЫИ 18а17; ТЪГДА ПРИЗЪВА КЪ СЕБЕ ОКАНЪНЫИ ТРЪКЪВЪТНЫИ СТОПЪАКЪ СВѢТЪНИКЪ ВСЕМОУ ЗЛОУ 10в21–22; НЕМЛОСТИВЫИ ЖЕ И ЗЪЛЫИ ВАРЪ-ВАРЪ ФАУСТИАНЪ 163г10–11 и мн. др.

2. *Анафорическая определенность объектов* контекстуально определяется тем, что они уже упоминались ранее. Вышеупомянутость может быть подкреплена употреблением указательного местоимения. При первом упоминании существительное может быть без прилагательного, например: ЦРЪ РЕЧЕ БЛАЗЪ МИ ЧАДО ДА БЫ МИ ТЕБЕ НЕ РОДИВЪШИ 72г7–8... ДА НЕ БОУДЕТЬ СЕ МНѢ ЛОУКАВОЕ ИНОЧАДОЕ ЧАДО 73а15–16; МОЖЕШИ ЛИ ДОНѢСТИ ВѢСТЪ СИЮ ВЪ БАВИЛОНЪ 3в31... ДОНЕСИ ДОБРОУЮ СИЮ ВѢСТЪ ИЕРЕМИИ 3г15; БАШЕ БО ЕТЕРЪ ЗОВОМЪ ДРАКОНЪ · ... СЪ ИМѢ СНА И НАРИЦАШЕ СА И ТЪ ДРАКОНЪ 157г24–30... ЕПИФАНЪ ЖЕ ПРИШЪДЪ... МАТЪ МАЛАГО ДРАКОНА · ЗА РОУКОУ 158а20; ПОИДЕ ѸПИФАНЪ ПРЕДЪ ВСѢМИ НА МѢСТО · ДЪВОУ ЖЕ НЕ ВИДИМОУ · ГЛА ѸПИФАНЪ · ... КЪДЕ ЕСТЪ ЖИЛИЩЕ ДЪВА НЕСТРОИНАГО 148623.

Редко встречаются случаи повторения всего сочетания *прилагательное + существительное*, ср.: АГАПИИ... ВИДѢ ВЪ КОРАБЛИ ДѢТИШЪ · и ДЪВА МОУЖА ВЕЛИКА 288в18, а чуть ниже: ПОВЕЛѢ МАЛЫИ ДѢТИШЪ ВЕЛИКЫИМА МОУЖЕМА ВЪЗЪМЪША и (Агапия) ПРѢНЕСѢТА ЧРѢСЪ МОРЕ

289a3; рече къ слоугамъ · ражазѣте · ꙗ · воли мѣданы 81г4; въвръженѣ же бывши блаженѣи въ мѣданны волъ · въпихоу вси 82a5-6.

Полагаем, что разновидностью выражения анафорической определенности являются контекстуальные указания на то, что данный объект является именно тем, а не другим *при смене наименования предмета*. В таких случаях при существительном также используется полная форма, напр.: придоша на ны разбойници 46в24-25... зѣли ти человекши... оустрьмиши са на ны 47a21-32 (здесь: злые люди = разбойники); въѣ же родителема бѣжнаго преселити са въ инѣ градѣ ... богѣу сице изволивъшю · да и тамо доблагаго отрока житие просятъ 27в7-7 (блаженный = доблестный отрок); лазоре гради вънѣ · и абие изиде мъртвыи 232a25 (мертвый = Лазарь); и сиа же прѣбѣжнаи и боугодьнаи чабѣка · (идентифицируются вышеназванные Константин и Мефодий) ничимъ же мнѣша тою зависта са (тоу = Аарона и Моисея) 112a29-31; вѣаше же нѣкотърни мѣужь хромъ · и нѣмъ 21a21-22... и то все недѣужьныи акы въ снѣ видѣаше 21631 (хромой и немой человек = недужный); и сповѣда епифанѣ мѣтри свожи въсе · елико сълоучи са емоу шлѣ непокориваго и зѣлага скота 147629 (выше многократно назывался осел Епифана, ниже названный иначе).

3. *Генитивная определенность объектов*, которую можно считать также более сложной разновидностью анафорической определенности, или *косвенно-анафорической определенности*, когда объект ранее в тексте не назывался, но на основе логических связей значения соответствующего слова с содержанием предыдущего контекста понятно, что речь идет именно об определенном предмете; наличие в христианских текстах такого рода смысловых отсылок к общеизвестным фактам и событиям, в явном виде не названных, кажется вполне вероятным, напр.: гѣи ѣ хѣ прикосноувыи са рацѣ · и въскрѣшъ въловиши иночадни 80629 (в предыдущем контексте сын вдовы не назывался, но ясно, что речь идет именно о том единственном сыне вдовы, которого воскресил Христос); иже хѣтоу вѣрова добръ · добрымъ бисѣры оучении егѣ коупи 232в24; о кровоточивѣи женѣ о том чюдѣ бывшемъ 144г18-19 (ни о бисерах, ни о жене выше речь не шла, это отсылки к общеизвестным фактам); надѣю са на бѣ иже въ поустыни людьмъ непокоривымъ хѣбѣ нѣсьныи шадѣи 50в2-3.

Согласно Н.И. Толстому, употребление полных форм прилагательного в таких случаях может быть обусловлено употреблением указательных местоимений или терминов родства (как о том и иночадни в приведенных выше примерах) [Толстой 1957, 59, 67-68].

В общем объект (предмет) в данном случае мыслится как определенный, поскольку он связан с известным предметом естественной или условной связью или является составной частью или принадлежностью известного предмета (лица).

Генитивная определенность выражается прежде всего наименованиями частей тела и терминов родства — в сочетании с другими определителями имени существительного (притяжательными местоимениями, прилагательными, существительными в родительном падеже), напр.: *иѣриѣ вѣпниаше на соудию глѣощи* 139в6–7... *ничѣсо же шт сихъ не оустраши БЕЗМИЛОСТИВАДОГО и БЕЗЪЧЛВЧНАДОГО оума твоѣго* 139в22–23 (ум является принадлежностью судьбы, к которому обращена речь Иерии, что подчеркнуто притяжательным местоимением); *обрати жестокоѣ срѣдце оѣда юго (отрока) на милость къ сыноу своему* 34г21; *некротъкъи звѣрь · львоименитьнъ · шт гнѣвливадо своего срѣдца издригнуоу зълый онъ глѣс* 144в9–10 (гневливое сердце — принадлежность некроткого зверя); *сказаху бжчствитѣи и стѣи дѣи ваши* 175б9–10; *се же соутъ словеса блаженнадо · юже исходадохуотъ шт медоточныиу оустъ тѣхъ* 59г6–7 (уста — принадлежность блаженного, о котором шла речь выше) и мн. др.

4. *Определенность предмета, выделенного специальными квалификаторами*, в качестве которых могут быть использованы придаточные предложения, указательные местоимения, а также формы звательного падежа. В обследованных текстах в качестве наиболее “сильных” квалификаторов используются указательные местоимения, при их наличии полные формы употребляются с исключительной последовательностью, напр.: *сподобилъ мѣ еси оубѣжати отъ прельсти житивъ сего льстнадо* 12а21; *къде ли насыщю сѣ таковадо блгадо оучениа* 9б18; *бѣс нѣкто моужь въ семь бохранимѣмъ градѣ бѣтъ зѣло* 143б11; *да идеутъ въ галилѣю · и видать малое то езеро · из него же във челоувѣчское море оустроиху* 245а32 (указательное местоимение и придаточное предложение); *въ сѣмъ же паче алчлвчнныи дѣи · на оуптѣхъ бывають въсѣмъ члвкомъ* 195а10–11; *прити къ тѣмъ на обѣдъ · и причесати сѣ неправьанѣмъ томъ съвѣтъ* 58а14; *сподобилъ мѣ еси оубѣжати отъ прельсти житивъ сего льстнадо* 12а21; *стоплъкъ · иже и оубиство се зѣлоѣ изобрѣтъ* 8в14 и т.д.

Естественно, что лицо или неодушевленный предмет, к которым обращаются, используя форму звательного падежа, известны говорящему и, тем самым, являются выделенными; вполне закономерно поэтому, что прилагательные, согласующиеся с формами звательного падежа, обычно используются в полной форме. Краткая форма обычно

сохраняется только при существительных единственного числа мужского рода и субстантивации, но показательно, что нередко в данной позиции употребляются полные формы, ср.: дажѣ ми оубо рекыи ѿ дружке добрыи пышеницѣ 163гб; видиши ли ш невѣрными жидовине 236г32; стѣи же еразмъ рече къ нѣмоу безоумными цѣрю 123в12; гл҃аста · милии гнѣ наю и драгыи 11г2–3; бл҃уды да не къ мнѣ реченъ боудеть · зѣли рабе дѣнивыи 26г16; быс гл҃ас шт нѣсе гл҃а · еразмъ бѣгыи рабе и вѣроне 121г5 и то же 27в30; соседство полной и краткой формы в последнем примере могло быть перенесено из евангельских текстов [см.: Толстой 1957, 61].

5. *Определенность при генерализации*, когда лексема выделяет, индивидуализирует целый род предметов, как в случаях: повѣсти мѡужь именитыи съхраните 111629; и видѣша и въси граждане · малии же и велиции · вѣрными же и невѣрными 87610–12 и др.; обращает на себя внимание, что на генерализацию в последнем примере в явном виде указывает местоимение вси: да не боудеть съ зѣлиими гражданы осуженъ 234631; и тѣгда съвѣкоупивъше сѧ вси людие паче же большии и нарочитии мѡужь 25а12–13; възъмъ же иеремия смокъви дасть недоужныма людемъ 4в16–17; показа же имъ единого шт извѣстныи сученикъ своихъ 109а8; къдѣ власи лѣпии · сѧ шт падоша (о смерти) 275г3.

Полагаем, что субстантивированные адъективы во множественном числе можно рассматривать как результат генерализации с эллипсисом обобщающего слова; действительно, значение словоформы *слепые*, употребленного в речи без определяемого слова, включает сему 'все/люди слепые' и под. С этой точки зрения становится объяснимым, по нашему мнению, тот факт, что в исследуемых текстах субстантивированные формы прилагательных во мн. ч. обычно используются именно в полной форме, напр.: въпиаше исави къ нимъ гл҃а · гл҃оукии слышите · и сѣпци прозираите видѣти 235г17–18; разбиваше сѧ всака дѣша грѣшныи 72а6–7; напои жаднымъ словесе бѣжиа 110в2–3; начаша скакати зѣли они въ лодию его 13г15; тѣло ст҃го... ни бѣаше почърнѣло · яко же обычаи имоуть телеса мѡртвыи 16в9–10; злато бо и срѣбро подобаше дати вѣдовамъ · и сирыми и нишиими и не имоущими субогыма 70в1–3 и мн. др.

6. Названия *сорта, вида, разновидности* по природе своего значения также можно рассматривать как способ индивидуализации соответствующего явления (предмета, объекта), и естественно, что с такого рода лексемами используются определенные формы адъективов, как в случаях въ оградѣ копахууть зеленинаго ради растениа 36а21–

2; многоу же скървь и мьчатание зѣли дѡуи творѡуѡтъ ѡмоу 8a1; азъ же ѡгда видѣхъ ѡко и внѣшнѡм болѣзни тѣлеснѡм ислѣаше 220b12–13; затворъ же внѣшнѡм двѣри цѣрь 68r18–19; лѡи гѡубнѡм гласѡ испѡущаѡщемъ · дроугѡа же орѡганнѡм гласѡ поѡщемъ 59r22–25; инъ плететь кошнѡица великѡм · дроугѡи цѡмъ кошнѡица роучнѡм 117a26–27; оутроу же бѡвѣшю и зѡутнѡю мѡтѡу коньчавѣше 142a21–22 и др.

К этой группе определенных сочетаний очень близки *фразеологические сочетания* с полными прилагательными типа: новѡм бо мѡсиа | соубѡты вѡша рече бѣ ненавидѣть дѡша мом 259v4–5 (речь идет о раздниках новомесячия); стоимше ѡдрѣ ѡмоу и трѣпеза оукрашена лѡт каменѡм драгаѡм 290r8; въ патѣкъ вѣрѣннѡм неѡла 57611; принесе кѣрѣчаѡу великоу зѣло пѣлноу масла дрѣвѡнаѡм 53v6; рѣложѣшема новѡи и вѣтѣхѡи законѣ · въ мзыкъ ихъ 109v16; люди звѣдѡста из мѡногамрачнѡм дѡивѡльскаѡм моря мѡслѡнаѡм фѡдѡна погроужѣша (о дьяволе) 11266–7. К числу фразеологизмов относятся и названия должностей и титулов, содержащие прилагательные, например: бѡгѡи влѡко 59v4 (формула обращения к великому князю) и гѣѡа великѡм 132v29 (титулование игуменьи в монастыре). Как заметил Н.И. Толстой, “нужно предположить, что при возникновении устойчивых сочетаний, ставших позднее лексическими единствами, выражающими одно понятие, признак, обозначенный прилагательным, ощущался еще довольно ярко; но достаточно ему было обратиться в постоянный признак, как указание на качество стало тираться, тускнеть, в некоторых случаях исчезло совершенно в сознании говорящих, приобретая иную функцию — функцию указания на определенный предмет, выделяющую этот предмет из общего ряда ему подобных, хотя этот предмет не был единичным” [1957, 69]. Читывая это, наличие в таких фразеологических сочетаниях полных юрм, указывающих на определенность объекта, является вполне закономерным.

В заключение считаем необходимым особо подчеркнуть, что поскольку общее (категориальное) значение определенности/неопределенности существительных в церковнославянском языке вообще и в церковнославянском языке русского извода в частности выражено не аким-либо специализированным формальным способом (типа артикля или постпозитивного члена), а реализуется с помощью целого ряда семантико-синтаксических средств, то, естественно, правила употребления полных и кратких форм, которые являются основными показателями определенности/неопределенности, оказываются довольно

сложными. В то же время кажется несомненным, что детальный анализ большого количества контекстов, в которых эти формы употребляются, позволит выявить и систематизировать те “кооперативные средства, с помощью которых значение определенности/неопределенности выражается с наибольшей последовательностью, что будет означать также формулировку более точных правил употребления полных и кратких форм адъективов.

ЛИТЕРАТУРА

- Амбразас В. (ред.), 1985: *Грамматика литовского языка*. Вильнюс.
- Георгиева В.Л., 1952: *Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке*: Автореферат диссертации... кандидата филологических наук. Ленинград.
- Дмитренко С.Н., 1987: Соотношение древнерусских и старославянских чужеземных в двух памятниках XII–XIII вв., in *Древнерусский литературный язык его отношении к старославянскому*. Москва, 117–129.
- Ревзин И.И., 1978: *Структура языка как моделирующей системы*. Москва: СК = Жуковская Л.П. (ред.), *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв.* Москва, 1984, 182–185.
- Стеценко А.Н., 1977: *Исторический синтаксис русского языка*. Москва.
- Толстой Н.И., 1957: Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке, in *Вопросы славянского языкознания*, вып. 2. Москва 43–122.
- УС = Котков С.И. (ред.), *Успенский сборник XII–XIII вв.* Москва, 1971.
- Chvany V., 1996: On ‘Definiteness’ in Bulgarian, English, and Russian, in Yokoyama O.T., Klenin E. (eds.), *Selected Essays of Catherine V. Chvany*. Columbus: Ohio, 128–147.

Октябрь 2001.